

ОКРЕСТНОСТИ ДОМА

Сборник стихотворений Ларисы Махоткиной

Издатель:
Издательский дом «Петит»
(IN Petits, Rīga, Latvija)

Литературная серия «КНИЖНАЯ ПОЛКА ПЕТИТА»

Руководитель проекта:

Евгений Орлов

Макет и оформление:

Нильс Хольгерсон

Куратор проекта:

Сергей Барановский,

член правления ИД «Петит»

Отпечатано:

Печатный дом Printstils
(Printstils, Rīga, Latvija)

Поэтический сборник Ларисы Махоткиной «Окрестности дома» продолжает литературную серию «Книжная полка Петита». Книга издана в качестве Приза участнику Международного литературного конкурса «Кубок Мира по русской поэзии - 2012» в номинации «Лирика».

© Лариса Махоткина

© Нильс Хольгерсон - обложка, макет, оформление

© Борис Григорин - послесловие

© IN Petits - печатная версия и литературная серия

ISBN 978-9984-49-621-4

ЛАРИСА МАХОТКИНА

ОКРЕСТНОСТИ ДОМА

СТИХИ

АПЕЛЬСИНЫ

***

Зеленое, болезненного цвета,
настало на моем окошке лето.
И два моих растенья - в феврале
(приспичило им в этакую рань!) -
вдруг отразили листьями в стекле.
Двухлетний дуб и белая герань.

Мне чудится в их действиях насмешка.
Мне жутко подозрительна их спешка,
я подхожу к ним, нюхаю, смотрю,
подвоха жду от каждого листа.
И всякий раз с сомнением говорю:
«Ох, неспроста все это, неспроста...»

А между тем не хочется плохого,
а хочется, чтоб случай истолкован
был как-нибудь приятно и умно.
Пускай он означает, например,
что мне давно пора помыть окно
и не гнушаться стиркою портьер.

Апельсины

Вот апельсины продают с лотка.
Ну что ж, я их люблю, и покупаю,
в руке несу, и шкурку колупаю,
и нюхаю...

И жизнь почти сладка,
а ведь еще так много впереди:
очистить плод, разъять его на дольки,
да мало ли забот, желанно-долгих,
и хочется и можно учредить!

Ах, милый друг! Мы дьявольски хитры!
Как дети, не сдержавшие зарока,
мы любим апельсины из Марокко -
веселые запретные шары!

Ни "кубу", ни "египет" не берем -
нам чужд их цвет белесый и казенный,
как лампочка над улицей снесенной -
над жизнью бывшей, ставшей пустырем.

Ну, ничего, еще не все - беда.
Вот апельсин - возрадуйся и грейся.
Мы заслужили миг эпикурейства
и счастье вкушения плода!

И этот блеск, сидящий в бороде, -
конечно, сок... конечно, апельсиновый,
конечно, след томительной, старинной
любви и даже, может быть предел

каких-то нарушений, масты
и прочей неуютности душевной,
когда не то что жизнь несовершенна -
убийственно несовершенен ты... -
и все-таки, из малых своих сил
не выбиваясь, ищешь без обиды
единственность свою, свою планиду...

Ах, черт возьми! вот это апельсин!

Что есть - то есть. Но хочется создать
Ну, что-нибудь... ну, миф или... пророка...
Легенду апельсинов из Марокко
создать. Запомнить. Детям передать.

***

Я обживаю новые пространства
с похвальным и завидным постоянством!
То - полочку подвешу над столом,
то - радио приделаю повыше,
то - возмечтаю сдать в металлолом
измучивший глаза участок крыши.

Мне нравится, что я - вполне жива
и радостно встречаю перемены:
я счастлива, что наше ЖЭУ-2
покрасило у нас в парадной стены,
я счастлива, что сын в своем углу
подмел и переставил все опрятно
и появилось место на полу
для нового труда и беспорядка.

И даже то, что вовсе не со мной
случается, а просто - где-то, с кем-то,
всегда меня волнует новизной,
шалевой неповторимостью момента.

...Но если не случается нигде
достойное
труда воображенья... -
я ощущаю это как крушеньё,
и понимаю так, что я - в беде.

Окрестности дома

...Я приеду на лифте
и выйду в окрестности дома.
Я наведаюсь в садик,
которым владеет завод.
Там фонтанчик журчит,
там железок задиристый гомон,
там неслышные люди...
скамейка у самых ворот...

В этом садике мне про любовь говорили однажды...
Это было давненько!..
но давнее... даже вкусней!..
Шел классический дождик,
и всё было мокрым и влажным.
Кроме двух рукавов,
соприжатых как можно тесней...

А еще - в этот садик ходила прогуливать сына...
А еще... извиняюсь!.. еще - воровала сирень...
А однажды сюда мы зашли поболтать с тетей Зиной -
от ее новостей я ходила - мозги набекрень...

Тетя Зина - соседка по Лиговке, старой квартире.
Мы разъехались... сколько... да лет чуть не десять,
считай!
И теперь вот опять не видались уж года четыре.
И хочу повидаться...
и думаю: а на черта!?
Новый дом у меня. И достаточно новых соседей.

И давно я привыкла держать себя особняком.
Мне их жизнь не нужна. Все равно и отсюда мы
съедем! -
я хочу покидать только тех, кто мне мало знаком!..

Да!.. так вот, говорю: изучайте окрестности дома!
Это очень полезно желающим жизнь возродить!
...Что расскажет мне садик?
Что - серой скамейки обломок?
А дерева?
А дождик?..
Послушайте! все впереди!..

***

Я приду в предстоящем году
так же явственно, так же бесспорно,
как приходит из темени черной
новой жизни росток.

Я приду
так же искренне, так же законно,
как приходит сезон за сезоном,
как приходит за выдохом вдох,
как работоспособность - за ленью.

Я приду, удивлю появлением.

И кого-то застигну врасплох,
и кого-то, не чая, спасу,
и кого-то, не чая, повергну.

Я приду, как волна на косу,
где шагами песок исковеркан.

Я приду, как тропинка в лесу,
где, вы думали, вы одиноки
под простором щемяще-высоким,
где, вы думали, вы безответны
перед вашей судьбою несветлой...

Я не знаю, что будет потом.

Я не знаю, что сделаю, так ли,
как не ведает первая капля,
устремится ль за нею поток.

Я приду - потому что приду!

Потому что так путь этот задан.

Потому что так можно, так надо,
так написано вам на роду!

***

Голуби!.. такие надоеды!..
всё ведут под окнами беседы...
Он ей: «Гу!» Она ему: "Гу-гу!.."
Елочки следов их на снегу...

Елочки!.. Ах, елочки в снегу!
На крутом далеком берегу...
Свечки зажигали второпях...
Нет, я ничего... о голубях...

Стихотворение под эпитафией

*Пошли ему Бог второго,
такого, как я и он...
Андрей Вознесенский.*

И неплохой спектакль, и чудный режиссер,
и милая актриса в главной роли...
А все-таки не тот, не самый разговор.
А все-таки скучаю поневоле.

Внимание тормошу, мобилизую мозг,
стараюсь не отлынивать от чувства.
А все-таки никак не создается мост
от зрителя: меня - до зрелища: искусства.

Всё - как бы в стороне и как бы вдалеке
и как бы - в перевернутом бинокле.
И трогателен лишь актер в дождевике -
уж очень от старанья кудри взмокли.

Он сцену отыграл, окончил диалог,
за спинами партнеров растворился.
Ну вот и молодец! По крайней мере - взмок.
Не то что эта милая актриса...

А в зале - тишина, не кашляет никто.
Соседка слева дышит напряженно...
Как жаль, что не меня пленяет лепотой
герой, нарядной свитой окруженный!

Как жалко, что не я в руках программку мну,
как девочка на шатком страфонтене!..
Молчит моя душа и клонится ко сну,
ей места не нашлось на этой сцене.

Ну, что ж... и не нашлось. Нам это не впервой.
Не вечно же - взаимопониманье!
Вон тоже человек, кивает головой,
но тупо, как... верблюды в караване!..

Ей-ей! он, как и я, не увлечен игрой!
Не озабочен фабульной морокой!
Ну вот и хорошо! Ну вот и есть ВТОРОЙ!
И в космосе опять не одиноко!

Я преданно смотрю *товарищу* в глаза,
Я, кажется, расплакаться готова...
Пускай в единство слит тысячеличный зал -
я все-таки нашла себе ВТОРОГО.

Кировский мост

Кудрявый мост - как моцартов парик.
И ледоход - клавиатурой длинной.
И не туман над городом парит
а музыка, рожденная во льдинах!

Ах, Кировский! За что тебя люблю -
ты только с виду всё металл да камень! -
ведь это твой - такой голодный! - клюв
на счастье я кормила медяками!

Ведь это ты вздыхал под каблуком,
покрехтывал и ежился покорно,
как РЫБА-КИТ, когда я шла пешком
по выгнутой твоей хребтине черной!

А это! Кем, скажи, - ты был в тот год -
богатырем, наверно (да, приятель?),
радушно пригласившим самолет
в свои нерасторопные объятия?!

Ах, Кировский! Как нужен ты мне, друг!
ТАК нужно возвращение к истокам:
чтоб мучиться,
и каяться...
и вдруг
взглянуть на мир с почтеньем и восторгом

Ах, Кировский! Талантливый! Давай!
Блесни на восхищение коллегам!
Как празднично солирует трамвай
в твоём неподражаемом аллегро!..

Ландыши

День закидывал зонтики ливнями.
Мокли зонтики и цветы.
Мне приятель сказал - за линией
много ландышей. Мы пошли.

Мы не рвали цветок реликтовый.
Не топтали его - ни-ни!
Так, стояли себе, *лирикали*
благо, были совсем одни

И приятель сказал:
- Ну, надо же!
Если б мы сюда не пришли?.. -
...Зенки пялили дурни-ландыши,
мокли, бестии, и цветы.

Весна

Вальяжная дама с томленьем во взоре
уселась на мокром дощатом заборе.
Сидит на заборе, играет платочком
и лузгает мокрые спелые почки,
и томно глядит на прохожих в упор -
не сядет ли кто-нибудь к ней на забор!

***

В предчувствии точном и гулком
пальтишко схвачу и т.п.
и выскочу - будто за булкой,
а втайне - навстречу тебе.

И - пусть негодуют ступени,
пускай усмехается двор! -
клянусь - ощутив нетерпенье,
сейчас ты подхватишь "мотор",
водителю кинешь пятерку
и станешь его погонять,
ворча, что упустишь "Вечерку",
а втайне боясь, что - меня!

...И что приключится на свете!..
Но это расскажет потом
нечитанной серой газете
нетронутый желтый батон...

В Москву... В Москву...

Размокрень на дворе!.. Поплыву!..
(добрый парус, должно быть, пальто!)
Поплыву, как ладья. Но зато
провожаю человека в Москву!

Приплыву, как ладья, на перрон,
до вагона в толпе доплыву;
поплывет вдоль перрона загон,
повезет человека в Москву...

Ах, Москва ты, столица Москва!
Хоть сто раз я тебя позову -
почему-то волнуют слова
ЧЕЛОВЕК УЕЗЖАЕТ В МОСКВУ!

Он приедет. Он сядет в трамвай.
Он билетик проверит на звук.
Будет думать: "Ну, вот и Москва!..
и в окошко глядеть на Москву.

Вид из окна

1.

За окном квартиры нашей
Ходит кран, стрелою машет.
То вздохнет, то что-то буркнет -
Он как будто бы не рад,
что в середине ПЕТЕРБУРГА
строит город ЛЕНИНГРАД!..

2.

Вот думаю: окно, и я в окне,
И кто-то видит, знает обо мне;
И, может, этот «кто-то» много лет
Меня в окошке видит... или свет.

И может быть: мой свет его гнетет,
Мешает спать, и думает он: «Вот,
Опять горит проклятое окно!..
И не придаться...не запрещено...»

А может быть: он думает не так,
А думает, что свет мой - добрый знак,
Что, значит, дом мой - населенный дом,
С обычаем, укладом, чередом...

Да я хоть век весь проторчу в окне!
Лишь думал бы хоть кто-то обо мне...

3. Поздняя весна

Май пробился и бил без промаха!
Под окном взорвалась черемуха
белым облаком, белым заревом -
от сияния сердце замерло,
и судьба показалась крохотной
от предчувствия
грохота...
Но опять, как бывало ранее,
не контузило и не ранило.

4.

Нет, я не этого хотела!
...Мне было грустно, тяжело.
И силуэты ночи белой
кривило мутное стекло,
как будто ночь под черным флагом
неслась в неведомую блажь!..

Мне представлялся высшим благом
послушный пальцам карандаш;
мне представлялась высшей честью
реальность выстроенных стоп
в стихе правдивом (лучше - честном!)..
Мне "представлялось"!.. Ну и что?

Что из того, что я, как шпаги,
могу скрестить строку с пером!..
Кому нужны мои бумаги,
мой свет неяркий над столом?..

Прозрачный Невский брел по лужам,
не задевая за дома...

И становилась ночь все уже,
как строчки нервного письма...

5.

Господи! Вот она, жизнь, - за окном!

"В комнате"! - даже смешно...

Там, за окном, например, "Гастроном",

А в "Гастрономе" - вино.

Люди ласкают монетки в горсти.

Нежен всеобщий задор.

Разве отважится их подвести

Самый отпетый кагор?

Разве рискнет самовольный "Кавказ"

Вдруг помутнеть наугад?

...У отходящего с чеком от касс

Веры в грядущее взгляд.

6.

Вот дом.

Он ночью площе, уже;

Он отстраненнее, чем днем;

Он безразлично дарит луже

Свой распластованный объем...

И мне не верится, что в нем

Хоть кто-то хоть кому-то нужен...

7.

Прощайте, мои фонари!
Прощайте, стальные росточки!
Я вижу полоску зари -
там утро, и вас обесточат.

Прощайте, стальные друзья!
Мне завидно: сон ваш... прекрепкий...
Не мучают вас сыновья.
К ответу не требуют предки.

В альбом С.

1.

Ах, рюмашка! мудрец и посредник!..
И душа, будто дверь, нараспашку.
И никак не расстаться в передней!
Но неправда, что хмель "от рюмашки"!
Хмель от этой, "дай бог, не последней"
Не последней не "в жизни", а "с Сашкой".

2. Считалка

По закону языка
знаем мы наверняка,
что у "зримого" есть "зритель",
у "просимого" - "проситель",
у "носимого" - "носитель",
у "водимого" - "водитель"...
Но "любимого", простите,
любит вовсе не "любитель"!
У любви другой закон:
КТО ЛЮБИТЕЛЬ - ВЫЙДИ ВОН!

3. Мужская логика

Сначала взглянул,
потом улыбнулся,
потом подмигнул,
потом отвернулся,
потом прихвастнул,
потом прикоснулся,

потом притянул,
потом потянулся,
потом улизнул
и не оглянулся.

Увидите где-нибудь этого гада -
спросите, чего же ему было надо!?

4. Женская логика

Сначала молчала,
Потом говорила,
Потом обличала,
Потом пожурила,
Потом посмотрела,
Потом испугалась,
Потом присмирела,
Потом разрыдалась,
Потом устыдилась,
Потом заскучала,
Потом спохватилась -
И снова сначала.

Чайки

Красивые белые птицы
рыбалют под утренний бриз.
Работает - будто резвится! -
блистательный Орден ЛАРИС*

Воде, голубому качанью
задиристо я говорю:
"Я тоже такая же ЧАЙКА,
взлетаю, летаю, парю!
Я тоже готова раз триста
по зову удачи нырять!"

Хорошее имя ЛАРИСА!
Мне было бы жаль потерять...

Я шествую кромкой залива,
как будто на свой бенефис.
Желает мне жизни счастливой
блистательный Орден ЛАРИС!

*Лариса - по-гречески чайка

***

Куда зовешь?

А-а... слышу... "в сенцы"!

Чудно, на слух мой городской!..

Да в том ли дело! мне бы - к сердцу

Припасть пылающей щекой!

Мне б - слышать звук немелодичный

Ударов сильных и глухих!..

А сени ль это... электричка ль...

Для счастья нету мест плохих!

...Я вышла в сени. Было душно,

Темно. И пахло молоком.

Я налетела на кадушку...

Потом - на что-то со звонком...

И тут же - в паутину ткнулась

Дрожащей, шарящей рукой...

Ни с чем так в избу и вернулась.

Куда мне, дуре городской!..

Случай с "гардемарином"

Так смешно!..

Мы стояли в саду,
подкрепляли здоровье малиной.
Он вдруг вспомнил, что был в их роду
дед по матери - гар-де-ма-ри-ном.

Я от смеха в кусты улеглась!..
Я не знала значения слова -
"герцог", "гардемарин" или "князь" -
все одно было мне. бестолковой!

Я барахталась в ломких кустах,
сотрясая зеленую кровлю,
и острила (свята простота!)
что-то в адрес голубенькой крови.

...Он не руку мне дал - ремешок -
вылезай, мол, а то уморила! -
жест изящный. Видать, хорошо,
если дедушки - гар-де-ма-рины!

Ухватила за тонкий ремень.
Но вставать мне совсем не хотелось...
Ну а этот - стоял, будто пень,
и в глазах разгоралась несмелость.

Мне хотелось стянуть его в куст
(жизнь идет - все равно отгорим мы!),
но раздался отчаянный хруст -
только видела "гардемарина"!

Я еще побыла на земле.
Намотала ремень на запястье
и крутила его, как браслет,
размышляя о жизни и счастье...

***

Граммфон играл о небывалом.
Пили чай в запущенном саду.
Это я с экрана увидела
И... заплакала в своем ряду.

Женщины - красивые, как дети,
Исчезали в зарослях травы,
И трепал цветы на шляпках ветер,
Не срывая шляпок с головы.

Песню пел шарманщик перед домом,
Шелестел судьбами попугай...
Почему-то было все знакомым,
Прожитым когда-то невзначай...

А сосед по креслу кушал коржик,
И хихикал кто-то за спиной...
Я, как дура, плакала все горше.
Я не знаю, что стряслось со мной.

Этот граммфон... и эти шляпки...
Этих жизней явственный покой...
А сосед по креслу вдруг зачавкал.
И протопал кто-то за спиной.

АРАНЖИРОВКА ДОЖДЯ

***

Над мыслями моими - чу! - светает!
Не знаю, как расценивать сей факт,
но явно что-то с чем-то бьется в такт
и ладно сочетается цветами!

О, это хорошо - посочетаться!
Разок-другой - по-брако-сочетаться!
Разок-другой - побракоразводиться...
и с бывшем мужем перейти на "вы"...
и раззнакомиться... и снова стать девицей...

Ах да, нельзя!.. Увы!

Ну, ничего! Нельзя - так и не надо!
Не надо мне того, чего нельзя!

Зато ко мне рассвет приходит на дом,
скользнув в окно и по полу скользя.

Виват, рассвет!
Тихонько... осторожно...
Мой добрый друг, пойми меня, как встарь.
И среди слов, случайных... всевозможных
найди одно. И лишь его оставь.

***

И солнца и зелени вволю -
хоть взоры, хоть слух ублажай!
Веселым засеяно поле.
Но где-то должна быть межа!

Но где-то дубовые кроны
от ветра, и так, шелестят,
и страшные птицы вороны
то скроются в них, то взлетят...

И, чем-то напуганный, что ли,
а может, бесстрашный уже,
с усмешкой подумаешь: "П-поле..."
и в лес перейдешь по меже.

***

Ромашек дурашливый веер
случайному другу отдашь -
живой человеческой верой
наполнится грустный пейзаж.

И в небе покажется птица,
и рыба плеснется в пруду...
Случайному другу простится
и радость, и вера, и дурь.

И грустному шелесту веток
внимаешь легко, не всерьез..
Но так и не видишь ответа
на самый насущный вопрос.

И молча себя защищаешь
от пеней возможных... и мук...
и знаешь: чем легче прощаешь
тем, значит, случайнее друг.

Вид с Охты

1.

Ну вот, уже и осень на пределе...,
все тот же дождь. Но листья поредели,
и потеряли крыши ореол...

И знаю, что холодными ночами
на небо, как таинственный начальник,
медлительно выходит Орион,

А между тем моя звезда все ниже,
И черных две трубы, как пассатижи,
того гляди сомнут мою звезду...

Но это, так, затравка для сюжета,
мне все равно, что та звезда, что эта
я не звезду люблю, а высоту.

И мне мой друг, великий мудрый Янус,
минувшего и будущего ясность
рассвободил, чтоб разум окреп.

И друг другой меня не забывает,
приходит сам и в гости зазывает -
насмешливый, но благосклонный Феб.

Так и живем. А прочее - неважно.
...Как будто жизнью, прожитою дважды,
я дорожу нам выпавшей судьбой:

не вдумываться, можно ли, нельзя ли,
а оставаться нежными друзьями,
любясь и друг другом и собой!..

2.

А ночь июньская парит
над куполом и колокольней.
И три моста - как будто Три
Богатыря с картинки школьной

блюдут порядок на Руси;
и обезвреженною бандой
толпятся у мостов такси,
смирненно следуя командам...

Но это - летом.

А теперь
морозец юный точит когти.
Мы не в июне - в октябре,
и не у Лавры, а на Охте.

Я говорю тебе: "Очнись
от жизни долгой - для короткой!..
Огни стекают сверху вниз -
идет ночных судов проводка

Огни и черные цвета!

Как будто накануне краха...
И три моста - как три кита,
покинутые черепахой, -

знают, что делают, если кого-то голубят...
Всюду начальники!.. Слушаю - не понимаю...
По батарее стучат и по клавишам лупят.

4.

Не «РИМ» я думаю, когда
представляю ГОРОД ВЕЧНЫЙ...

Антенны, крыши, провода;
погода - дождь, светило - свечка;
две четких тени на стене,
два отраженья в темных стеклах;
и еле зримый плеск огней
в скупых излучинах потеков...

Мой ВЕЧНЫЙ ГОРОД - здесь, где я
(сосредоточенно... и мельком)
внимаю знакам бытия,
словно преданиям семейным.

5.

Поблажки не будет разявье,
долби ее в слабое темя!..
Я в ссоре с моими друзьями,
смешно, но почти что со всеми.

Мой образ, как старая рана,
учтен, но, до времени, вычтен.
И странно, что это не странно,
а как-то уже и привычно.

...Ах, можно ль сравненьем избитым
преследовать наши зарюки!..

Привычка твердеет, как битум
на улицах новой застройки.

И бродишь по улице тенью,
как тайный фанатик-копатель,
и все испытujesz растенья -
растут или нет на асфальте.

б.

Разбегаются ближние в норки,
разлюбили открытость сердец!..
Вот и Миша, сказали, в Нью-Йорке.
Добежал кочегар, молодец!

Молодец победитель заслонов -
не сгорел, не сломался, не сник!..
Было времечко - я безусловно
сострадала ему: отказник!

Но сидело, сидело в подкорке
это чувство непрочности уз...
Как-то легче, что Мишка в Нью-Йорке,
что покинул Советский Союз.

Есть же все-таки взгляд не всеобщий,
личный вход и личный исход...
Нет не легче. Но, может быть,
проще: «антипод» - так пускай антипод!..

7.

В.А.Х.

Дождь не просто погода, он - символ, он - знак бытия,
он - контакт человека с иным, необыденным миром.
В дождь пустынной разлука, надежнее быт и семья...
и сплоченной ряды рядовых во главе с командиром.

А решивший покинуть - как будто навеки застыл...
А вражда удивляет, нервирует, кажется лишней...
В дождь приходят друзья, восхищенно тараща зонты,
и зонтам отдается пустое пространство жилища.

...Неспокойна душа. Дай мне бог не накликай беды!
Лишь во славу дождя я учусь говорить по-вороньи!
Чтоб под общим плащом убежать от потока воды
и по-братски делиться сухим уголком подворотни!..

Замыкаясь в дожде или вмиг из него выходя,
как легко научаешься общности жизненной тайны!..
Ах, как хочется жить! Как живется во время дождя!..
Только был бы он чистым, без примесей этих
летальных...

8.

...и вдруг забыться над вещами
забытыми, из дальней той поры,
когда меня ничуть не восхищали
глухие ленинградские дворы!..

Дворы-колодцы были мне родными,
а кто ж дивится прелести родных?!
Я грезила дворами проходными,
у нас в округе не было таких.

Мне представлялись стройные аркады
не менее чем арок из пяти,
и тонкая, по арками, прохлада,
и встречные, и те, с кем по пути,
и солнечные зайчики от окон
на теневых окраинах дворов,
и дальний гул машинного потока -
орган индустриальных городов...

Не то теперь. Теперь я как о друге
горюю о дворе своем глухом.
Весь в зайчиках и блестках - как в кольчуге -
он посреди - и родина кругом.

9.

Очистилось небо. Очистилась звездная твердь.
Очистился ветер от вязкой прилипчивой влаги.
И завтрашним утром научится вновь розоветь
полоска восхода, пойдя и забыв передраги...

Но словно на стыке минувших и прищлых времен,
свернувшись клубочком, вздыхает моя несвобода.
Кому в назидание в небе царит Орион,
красавец и гордость небесного зимнего свода!?

Он слева и рядом. И чудится - смотрит в упор.
Как будто внушает, что есть впечатленья сильнее!..
Ах, звездное право вперять устрашающий взор!..
Пора обернуться... но медлю...вернее - не смею...

Глухими дворами воспитаны сердце и ум -
смешно отречься, но нет и причин для бравады.
За гранью сознания остался космический шум.
И правда простора - чужая какая-то правда.

***

Когда спрошу:

- Да был ли ты? -

Когда увижу взгляд прощальный -

Пусть будет много красоты,

Той, откровенно театральной:

Боится сердце наготы

Суровой истины...

Печально.

***

Ни ясности в мысли,
ни смысла в речах,
мечтанья закисли,
а голос зачах -
живу бесполезно,
как тень на стене.

Так что ж ты, болезный,
все ходишь ко мне?
Чего же ты ищешь?
Чего же ты ждешь?
Влюбленный - как нищий
в единственный грош...

***

У нас давно погашен свет,
а телефон обезьязичен.
И в храпе тщательном и зычном
утратил бдительность сосед.

Тенями потолок обвит -
покрова символ, символ крова.
И кажется, что все готово
для неожиданной любви.

***

Дым летает,
тает... тает...

Мне чего-то не хватает -
то ли дыма, то ли дома,
то ли близкого кого-то, -
чтоб рассказывать знакомым
ощущение полета.

Silentium!

Уходит время с жутким топотом
И наследив, как солдатня...
А я делюсь печальным опытом,
Другого нету у меня.

А то, что я и тут за старшего -
Так грех сказать, что невзначай.
Молчи. И ни о чем не спрашивай.
А я спрошу - не отвечай.

Молчи. Не отвечай. Не смешивай
Два ремесла: "молчать" и "лгать".
Ты не из тех, ты ненасмешливый...
Могла ли я предполагать!..

***

Я выходила. Он входил.
Сошлись в дверях. Кивнули "Здрассте."
Проехала машина ЗИЛ,
Тряся какие-то запчасти.
Я половила воздух ртом,
Как будто попила бензина
(он был невкусный и притом
Вонял поджаренной резиной...)
...И поняла вдруг: нету сил
Идти и жить и продолжаться...
"Я выходила - он входил" -
Мне больше так не продержаться!..

Глава из поэмы "Старик"

Что мне года! Что - свитки полномочий!
Что - изумленных лет густой галдеж!..

Был Ленинград слегка рассредоточен.
К тому же вечерело, капал дождь.
Я шла домой, размахивая сумкой,
и подставляя капелькам язык,
когда меня окликнул вдруг старик
и протянул промокшие рисунки.
Старик был представительный, высокий,
лицом - как будто не лицо, а лик,
седые брови и худые щеки...
ну, словом, ленинградский был Старик.

Не изумилась я ему нимало;
я, видимо, из племени растяп -
и сроду постоянно все теряла,
от старых башмаков до новых шляп.
Поэтому, промямлив про "спасибо",
я потянулась, чтобы взять листы.
Но он отвел их в сторону:
"Но ты,
где я нашел рисунки, не спросила."
" Вы где нашли?" - спросила я покорно
и глянула опять на Старика.
Над шляпой, как у странника, просторной
сумбурно громоздились облака.
Гораздо ниже, где-то над плечами
виднелись трубы, крыши, провода,
и дождика кружилась чехарда,

незримыми подсвечена огнями.
"Ого!" - сказала я, - "да вы - как бог!
и в облаках и в ясном ореоле!"
И тут - я даже вздрогнула невольно
мой "бог" захохотал, как скоморох!
Не долго я стояла онемело -
за Стариком я засмеялась вслед.
В тот год мне было лишь семнадцать лет!
и в этот год смеяться я умела.

"Ну вот..." - сказал Старик, отхохотав,
"я вижу, на меня ты не в обиде.
Твои рисунки и веселый нрав -
из этого, бесспорно, что-то выйдет.
Когда я подобрал твои листы -
вон там, у поворота на Сенную, -
я тотчас же поверил: так мосты
унылый человек не нарисует!
Мосты - как человеческие лица.
И каждое затронуло меня
то явственным желаньем: отличиться,
то строгою потребностью: понять..."

Старик крутил рисунки предо мной,
десятка полтора бумажек влажных...
Вдруг вспомнила я факт немаловажный:
ведь не была я нынче у Сенной!
И сразу обернулось все загадкой:
откуда он? где взял мою мазню?
И, кстати, эту самую тетрадку
я вот уж года два почти храню
в своем столе. А значит - не теряла
ни только что, ни утром, ни вчера...
"Послушайте! послушайте, сначала
скажите - это сон или игра?"

Старик смотрел куда-то за меня,
за дождик, за канал, за дали улиц.
Как будто он, по-старчески ссутулясь,
затосковал о чьих-то именах...
"Послушайте!.." - я руку протянула,
но не решилась тронуть за рукав.
Он оживился, голос услышав:
"Эй, душенька! да ты никак взгрустнула?"
Он помолчал и легкою ладонью
поворошил мне волосы чуть-чуть:
"Что? огорчил, наверно, чем-нибудь -
притихла так... а ты ведь не тихоня.
...Мне кажется, что в вашем поколенье
должно быть мало подлой мелкоты:
вас время поднимало по ступеням
доверия, любви и доброты..."

Светились фонари, как головешки
из пепла догоравшего костра...
Я отвечала Старику:
"Конечно...
я понимаю... это не игра..."
"Ты умница. Но только не спеши,
не пропускай ни сна, ни разговора -
всё примечай... Затем что очень скоро
настанет час, суровый для души...
Ну, а теперь пора мне. И позволь
твои рисунки у себя оставить.
Мы будем часто видеться... Доколь -
хоть ты, хоть я - не вздумаем лукавить
А если что - я мигом все верну.
По первому... да, впрочем, и без слова
Я сам пойму, когда тебе бедово
понадобится вспомнить старину."

Старик ушел.

Я долго в даль глядела,
в поток дождя, машин, реки людской,
где шляпа удивительного деда,
как бакен, возвышалась над толпой.

Плач над комарами

Эх, квартира моя городская!
Эх, мой странноприимный чертог!
Я давно никого не пускаю -
только воду да электроток.
Да и то эти токи и воды
ходят так, чтоб никто не видал:
по трубе - как по черному ходу,
будто в форточку - по проводам.

И живу я себе беспечально
и не вижу, с чего горевать,
если весел вскипающий чайник,
терпелива, как пастырь, кровать.
Свет мой радостно ночь рассекает,
углядев меж портьерами щель.
И летят комары косяками,
обретя долгожданную цель!

Эх, комарики! Жизнь под вопросом
так что, как говорится, держись!
У меня есть флакон с дихлофосом,
я спасу свою брэнную жизнь!
...Но невольно взираю умильно:
нет нигде комаров здоровей! -
как их в этой квартире кормили!
сколь обширен был выбор кровей!

(кстати, рыцарям веяний модных
демонстрирую свой интеллект:
комары не кусают холодных,
выбирают людей потеплей;
и отсюда - легко и красиво,
как кино со счастливым концом, -
органично является вывод,
сколь горяч здесь бывал закусон!)

Эх, бывлые друзья и подружки!
Всё ль в почете вы у комаров?
Всё ль венцом комариной пирушки -
ваша, други, горячая кровь?
Я про вас вспоминаю стихами,
называю квартиру: чертог...
но когда фонари потухают,
я печально гляжу на восток -
мне не нравится близость рассвета
и его суетливых речей.

Утро - словно чужая разведка
там, где я не желаю ни чьей -
где не в силах еще разобраться,
почему так рассвет бестолков,
я, счастливая дружбой и братством,
не писала хороших стихов...

Всё, комарики, тем и окончим.
Все мы любим полеты на свет!..
Эх, спасение жизни - флакончик...
Сами видите, выбора нет.

"Свиданка"

Все напрашивались в свидетели,
в соглядатаи, в очевидцы:
старики ли, бабье ли, дети ли -
все хотели присоединиться!

И нельзя было даже временно
избежать людского догляда...
А еще, помню, было ветрено -
зонтик то улетал, то падал...

В час с минутами, полвторого ли
я устала пасти погоду.
Вот и встретились-поздоровались
...Было много вокруг народу.

Что такое звонок...

Я всё представляю, как рывкнет звонок
(как с неба чистейшего - гром!)
Не раньше, не позже - в тот именно срок,
Когда позабуду о нем.

...Я то ли на кухню за чем-то пойду,
То ль в комнату буду идти...
А может, во власти пленительных дум,
Решу коридор подмести...

Но, главное, в этот кошмарный момент
Я буду весьма далека
От мысли услышать чужой аргумент:
Пронзительный голос звонка!

И я представляю испуг свой, и шок,
И паники вязкую дрянь,
И смех ошалелый (точнее, смешок!),
И даже истерики грань,

И как лихорадки бредовая пруть
Ударит меня по мозгам:
"Открыть - не открыть?
Открыть - не открыть
Нажавшему кнопку звонка?"

Я даже предвижу противную дрожь
Ползущей к звонку пятерни,
И холод металла, колючий, как нож,
И немощь фанерной брони...

А дальше... О, дальше знакомая гладь
Видавшего виды замка.
...И все это необязательно знать
Нажавшему кнопку звонка!

Набережная реки Смоленки

1.

Глуха к тебе река?
А ветер - зол и лют?
И эти берега
Тебя не признают? -

Не тереби покой
Недружественных ив:
Тут счастлив был другой,
А ты - будь молчалив.

...Без грусти покидай
Враждебные края.
Ведь остров Голодай -
Отчизна не твоя.

2.

Не люблю я ни торты, ни кремы!
Не старайтесь вы мне угодить...
У меня накопились две темы,
Мне их не с кем теперь обсудить.

Я ходила на берег Смоленки.
Провела там почти что полдня...
Ах, примите вы руку с коленки,
Этот жест не волнует меня!..

...Мне хотелось в Смоленку взглядеться.
Я по кладбищу сделала круг.
Там когда-то гонялся индейцем
Дорогой мой товарищ и друг.

Я не знала, что слезы глотаю.
Я считала - то времени соль;
Мне не нравился вид Голодая -
Был он ражий и страшно косой;

Он взирал на меня - как на действо
Очумелое спяну село...
В нем ни капельки не было детства
И, я видела, быть не могло!..

Вот такое "пирожное с кремом"...
Ах, голубчик! А дело-то - швах!
Жизнь мою понимание грело -
Как теперь узнавать, что жива?

Дорога

Город сумрачен. Как истукан...
Тени лохмами. Будто не стрижен...
- Где бы чаю?.. Хоть кофе стакан... -
"Потерпи, милый, мы не в Париже..."

То шлагбаумы, то виадук,
То забьется глазок светофора -
Будто выскочит в жизнь на виду
Горемычное сердце задворок...

Ветер гонит куда-то впотьмах
(злонамеренно? Или игриво?)
Фонари, как обрывки бумаг
Разоренного ночью архива...

Несусветную даль - жилмассив -
Бесприютная изморось лижет...
- Хоть бы МАЗ... Не прошу о такси!..
"Потерпи, милый, мы не в Париже..."

Труд движения в общем ряду,
Труд участия в общем итоге -
Все останется в этом году,
В этом городе, в этой дороге.

***

...Я не вижу домов: я смотрю на дома,
Будто это - ненужных завес бахрома,
Будто жду, что сейчас ветерок налетит -
И завесы взлетят.
И откроется вид
На простор, синеву... бесконечный простор...
И увижу...
И снова вступлю в разговор...

***

Земля остывала
И снега ждала...
А я уставала
Не там, где была.

Я там уставала,
Где я не была,
Откуда и мысли и чувства гнала.

***

На улице сыро и сиро.
Домой бы - и под одеяло!
Но... встряла нечистая сила -
Я чуть не полдня отгуляла
По улицам, лужи смущая,
По садику, листья топорща.
О чем размышляла? О чае,
Свидетеле дружеских сборищ;
Еще: удивлялась прохожим -
Бегут, ни на что не глазаея...
Конечно, их дело... Но все же
Приятнее жить ротозеем!

И мне представлялось, что всем им
(Не встреченных также считая)
Всю жизнь - разбегаться по семьям
И жертвовать дружеским чаем.

Так жалко мне было их, право,
Замученных вечною жаждой...
И я бормотала про нравы
И нравственность встреченных граждан.

Ветер

Мой свет не тревожит полуночный мрак.
И полночь за это мне друг, а не враг;
И мир весь ко мне расположен
И выглядит проще, бодрей, веселей.
И я отражаюсь в оконном стекле
Нарядней, чем есть, и моложе.

Я - то почитаю, то, так, поброжу...
Чайку похлебаю... пасьянс разложу...
Письмо вот имею... в конверте...
Придет и письму свой черед. А пока
Меня занимает игра сквозняка,
Поскольку сквозняк - это ветер.

Я ветер люблю за полет и размах,
За то, что свободен, и даже впотьмах
Он явственен духом бунтарства;
За то, что трепещут его простоты
Дома и пустыни, моря и цветы,
И странники, и государства.

Снег

А я люблю: когда он подопрел,
Но все-таки пока еще не тает
И тень куста - как чернь на серебре -
На нем темна... и птичка прилетает
И песенку веселею трещит;
А на деревьях светятся сосульки,
И каплями прострочен и расшит
Трухлявый наст...
И все это - за сутки!...
Вернее, за день робкого тепла,
Внезапного прозрения погоды...
И вспоминаешь: оттепель была -
С таким же чувством, как "была свобода".

***

Трепет жизни такой неустанный,
что, казалось бы, что там, замри! -
все доказано, все без обмана...
Глядь - опять щекотанье внутри.
И куда-то опять тебе надо...
И кого-то опять тормозишь...
И обыденный факт снегопада
величаешь причастим крыш...
И мозолишь подъездам ступени...
и тревожишь звонком этажи...
И цепляешься, будто репейник,
за любую возможность пожить.

Аранжировка дождя

1.

Я начинаю дождь как пьесу для фагота.
Он медленно гудит в округе и окрест.
И я тревожно жду одной заветной ноты -
когда фагот умрет, когда взойдет оркестр.

Я терпеливо жду волнения и простора
(волнения для души, простора для идей)
и медленно живу для власти дирижера.
А он - не человек, он - вымысел людей.

Он снова дирижер. Как вечно. Как внезапно.
Не верить не хочу. И счастлива вверить
его заботам - Рок, Вчерашнее и Завтра -
не чая убережь, не мысля потерять.

...Задумайся, замри в неведеньи просторном.
Вот крыши расцвели. Вот меркнут фонари...
Я продолжаю дождь как тему для валторны
(всегда хотелось знать, что у нее внутри!).
Валторна унесет мятежные признанья.

Валторна утаит подробности беды...
Ты скажешь: «Это дождь...»
А я скажу: «Не знаю...»
Но дождь, конечно, дождь, круговорот воды...

...Ах, помню... Тоже - дождь. Удушливый. - Угарный
Он в городе торчал, как пьяный гарнизон.,.
Вот и ответ, за что я не люблю ударных!
За то и не люблю, что это - тоже он.

...Однако вдруг светлей. Но свет такой обманной,
дневной и не дневной... Открылась в небе щель.
Там кто-нибудь живет и ждет гостей незваных.
Не знаю, что теперь?.. Пускай виолончель!..

Как тихо!.. Но вчера казалось - можно тише
и жить, и говорить, и мыслить, и дышать...
Ты думаешь, нельзя?.. Ну что ж, так и запишем:
НАМ ТИШЕ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ - НАМ НЕКУДА
ТИШАТЬ!

Пока еще жива мелодика протеста,
пока еще ведет мелодика любви -
я продолжаю дождь вступлением оркестра,
в нем тысяча стихий - поди останови!

Ни небо, ни земля души в нас не стесняют.
Но хочется понять, откуда в нас душа -
от неба? от земли?
Их дождь соединяет,
и глаз не оторвать - как пара хороша!

Вот случай разорвать круг жизнь окаянной!
Исчезнуть! Воспарить! растаять! упорхнуть!..

Я завершаю дождь как соло фортепьяно...
и долго не могу, заслушавшись, уснуть...

2.

Я дождь не хочу, но, наверно, могу описать.
Вот крыша померкла, и стала приятнее взору,
и видно, что пыльная. Вот начала напоздать
туманная темень, как опытный взгляд ревизора.

Вот ветер метнулся - по крыше скатилась дресва
нападавшей с неба рабочей промышленной грязи...
Ах да! пропустила! - вскипела под ветром листва,
всшумев и забулькав, как чайник в хорошем рассказе.
Ну, тут же, понятно, бумаги взнесло сквозняком.
Пока их ловила, на крышу нападали кляксы...

Нет, дело не в этом... Не дождь - он любому знаком -
здесь повод назвать моего дорого аякса...
...Вот видишь, как просто, когда начинаешь с дождя!

Я вовсе не знала, когда уходила с вокзала,
как сильно польет он попозже... потом... погодя...

когда я сказала... А что я такого сказала!?
«Проследовал Тосно...» - сказала я, глядя во тьму.

«Любань проезжает!» - отвечивал дождик-задира.
На «Вишере» хлынул. И грубо принудил к письму,
которое вряд ли покинет пределы квартиры.

А может, покинет. Зачем понапрасну болтать?
Посмотрим, как выйдет. Посмотрим, во что
перельется
и дождь этот дробный и, дробности этой под стать,
душевная мука, вошедшая в роль полководца

(который зачем-то стремится былому вернуть осмысленность, образ и даже подробность деталей, и верит, что этот - заведомо пагубный! - путь спасительней прочих для сердца в тоске и печали...)

Ну что ж, не перечу. Ему, полководцу, видней.
Его обучали путям, приводящим к победе.
И может быть, дробность, - есть дробная поступь
коней!

А я и не знала! Все думала: «Ка-ак мы поедем?»
Поедем! Поедем! Но только об этом - молчок!
Там - ЧТО-ТО и НЕЧТО, там - ЭТАКОЕ и ТАКОЕ!

Но дождик заметил, что ты миновал Волочок.
А я замечталась, и думала - лишь Бологое...

Ах, это мерцанье дождями облизанных крыш!
Мой дом - моя крепость? Но это не стоит стараний!..

Я долго не знала, что ты никуда не спешишь,
а просто проходишь, как всякий естественный
странник.

Мне долго казалось, что, доброе - лишь позови! -
раскроется сердце для счастья и прочих сияний!..
Могла ль я провидеть трагический бег от любви? -
когда - для «бонмоту» - тебя назвала МАРСИАНИН*!

И, Господи! как же? зачем оказалась права?
Зачем так некстати Ты, Отче, являешься на дом?!
Как жить мне теперь? На коклюшках плести кружева
из ниток, разбросанных Парками и Ариадной!?

Вот песенка вспомнилась: выпьем и снова нальем...
Ну да, понимаю, из песни не выкинешь слова...
Но что нас наполнит, когда всех любимых уьем?!
«Проехал Калинин»? Ну, правильно. Четверть
седьмого.

Однако кончаю. Боюсь, что слетит с языка
неправое слово, обман или лишняя шутка...
Великое счастье, когда человек - музыкант!
Словесность лукава. Рассудка в ней много. Рассудка.

*Отсылаю к одноименному рассказу Р. Бредбери

НЕМОЕ КИНО

Я знать хочу...

1.

То в зеркало гляну надменно и косо,
то в окнах терзаю белесую высь...
Зачем это в голову лезут вопросы,
которым никак не вельть: "Отцепись!"

Как будто в системе испортился клапан
и, чтобы спустить накопившийся пар,
мне нужно спросить:
"Ты когда-нибудь плакал?"
О господи! это какой-то кошмар!..

Прости мне, товарищ мой, эту доукуку
и эти метанья от лжи к похвальбе!..
Я сердце твое различаю по звуку,
я денно и ночью внимаю тебе.
Я песни пою. Я стихи сочиняю.

Я с кем-то незримым
беседую вслух
Я столько за эти дни выпила чаю,
что голос мой сделался хрипок и глух...

Я трогаю пальцем клыки пианино
в надежде построить хотя бы фрагмент
испытанной жизни, простой и единой.
Но, рыкнув угрюмо, молчит инструмент.

Молчит, отражая ухоженным лаком
мой взор - как удар, нанесенный судьбе...
Какая мне разница - плакал... не плакал...
ведь я не об истине, я - о себе!

Как мне пережить этот полдень осенний
Звонок телефонный? Пустой диалог?
Ты дал мне надежду и не дал спасенья.
Я знаю - хотел, понимаю - не смог.

О, немощь людская!..
Как все мы похожи
не силой души, а ее слабиной...
О, если бы мир погибающий ожил!..
О, если бы выжил, смертельно больной!..

2.

Бутылку красного вина
мы пили долго, целый вечер.
И целый вечер тишина
перемежала наши речи.

Ты к пианино подходил
и машинально трогал звуки.
Но тут же руки отводил,
и даже прятал в куртку руки.

Светильник на стене горел
каким-то неправдивым светом.
И на меня ты не смотрел,
хоть думал, видимо, об этом.

И только изредка, пока
стаканынаполнялись красным,
ты взглядывал - исподтишка,
но очень пристально и страстно.

И я смущалась от души,
теряя самообладанье.

И это было - тем, большим,
забытым счастьем ожидания...

3.

Какие-то вдруг мысли... о свободе...
в таком вопросе спросится и с нас...
Ох, спросится!..
А мы с тобою ходим
смотреть кино на утренний сеанс.

Нам нравится, что в зале запустенье,
что воздух чист и с легкими в ладу,
что зрители - как редкие растенья
в хорошем ботаническом саду;
нам нравится, что утром - как обрядом -
охвачены мы как бы на авось;
и нравится, что можно сесть не рядом;
и нравится, что не садимся врозь...

И все-таки.... ты замечал, наверно,
что у свободы сложные права.
Лишь изредка они закономерны,
наглядны и оправлены в слова.

А большей частью мысли о свободе
уж тем виновны, что не скреплены...

Так и людей то сводит, то разводит
не чувство, а предчувствие вины.

И мы с тобой... Любой аспект резонным
мне кажется, любой его нюанс:
и что кино зовут иллюзионом
и что пустынен утренний сеанс...

4.

Закончились белые ночи.
Опять фонари зажжены.
Как велосипедный звоночек
летит половинка луны.

Кто едет? Кто этот бессонный
наездник, невидимый мне?
Не он ли вчера нарисован
твоею рукою в окне,
чтоб духом могла укрепиться,
чтоб сонот меня ускользал,
чтоб звезды мерцали, как спицы
раскрученного колеса?..

И ты с осторожностью трогал
руки моей вялую кисть.
...Я знаю, твой идол - дорога.
И я не прошу: отрекись!

Но серого облака клочья
вот-вот доползут до луны;
но пусто на улице ночью,
когда фонари зажжены...

5.

Мне никогда не вымолвить: останься!..
Не знаю, кто мы, что мы и зачем -
не то в кино на утреннем сеансе,
не то в мозгу безумной ЭВМ!..

Не молодея вроде, и не старясь,
не ожесточив, и не помягчав,
живу - как будто Лемовский Солярис
со мною счета сводит по ночам!

Выхватываю образ кинозала.
Но нет, не успеваю понимать,
что я скажу, а что - уже сказала..
и спать хочу, и страшно задремать:
ужасной жизни грубые наброски
вокруг теснятся, мучают, гнетут...

О нет!! Не Лем - создатель - а ТАРКОВСКИЙ
мне душу возвышающих минут,
минут простых, как пауза в романсе,
простых, как звук осеннего дождя..
Простых, как вдохновенное: останься! -
когда ты медлишь, грустно уходя.

6.

А ты останься в светлой выси
и никогда не уплывай
туда, где, злобен и зависим,
исчез полуночный трамвай..
Останься! Посрами законы,
которым следовать привык

тот мир, враждебный, заоконный,
к тебе приближенный впритык.

Я знать хочу, кого просила
вступать со мною в разговор!
Хоть раз яви запасы силы,
взойди всему наперекор.
Ты - свет,
ты - луч,
ты - образ света.
Ты - образ жизни, наконец!
Беглец взволнованного лета...
Печальной осени гонец...

7.

Когда меня от жизни отлучали -
и это называлось: берегли, -
я видела: по улицам ночами
задумчиво проходят корабли.

Я видела. Я видела. И знаю -
они идут, не трогая земли,
похожие вдали на птичьи стаю
и никогда - вдали - на корабли.

Они проходят тихо и серьезно.
И долго неземные паруса
стирают с неба маленькие звезды
и сонные людские голоса.

И часто начинало мне казаться,
что в строгой неприступности своей
они хранят мелодику корсарства
и тайны затонувших кораблей.

Но чаще, наблюдая ход надменный,
я думала, что, может быть, сейчас
они живут в совсем другой Вселенной
и призрачны поэтому у нас...

Как знать... как знать... Так мало мир изучен!
И может, никогда я не пойму,
кто находил, манил меня и мучил,
когда являлся взору моему!..

Да, не пойму. Но все же изначален
скорее он, чем сложности Земли.
Не потому ль печальными ночами
по улицам проходят корабли?

8.

Как мало радостей на небе -
две-три звезды, огарки туч!
И вовсе не печален жребий
стереть с небес последний луч.

Люблю начало новой эры!
И жизнь по-новому смела,
когда сведенные портьеры
стирают небо со стекла.

И что мне в этой выси гордой! -
когда со мной разлучены
до слез щемящие аккорды
простой домашней тишины.

И как люблю, что знать не нужно,
идет ли дождь, упал ли снег, -

все это мир чужой, наружный,
я в нем - никто да имярек...

Но здесь, в кружочке от торшера
и с тишиной наедине
я наполняюсь светлой верой,
что все, что счастье, - это мне.

9.

О, счастье мое - одиночество и тишина!
Ночная прохлада и сонная оторопь ночи...
Глухая пора... И как будто навек решена
задача любви, где ответ однозначен и точен.

А было ведь время - мне щедро! куски отрезал
прекрасный и мудрый Хранитель всеобщей удачи!..
А то, что по небу подходит - я вижу - гроза, -
так это, наверно, почти ничего и не значит?

"Я вижу"... "Я знаю"...

Но вот уже воздух сырой
в окошко вползает и ноги мне босые гладит...
А я - говорю, говорю, говорю... И порой
совсем забываюсь... и холодно в легком халате.

И сладко представить - как Чехова не помянуть?
разбуженный громом, стоит у окна дядя Ваня
и грустно мечтает, что можно судьбу обмануть,
никак не согласный наукой считать расставанья.

А молнии треплют, пронзают небесную твердь.
А ливень лютует, как воинство хана Батыя.
О, как мне понятно, что этих стихий круговерть
совсем не затем, чтоб лелеять догадки пустые!

И как мне понятно, что не было в жизни моей
такой вот минуты - оставлю ее без названья...
Ух, молния брызнула - добрая сотня ветвей!!
Держись, дядя Ваня! терпи, дорогой дядя Ваня!

Надейся, как я, что мы оба сегодня не спим.
Надейся на счастье, как, может быть, я не умею!
Мы живы на свете! И значит, еще создадим такое,
что станет прямым воплощением идеи!

Держись, дядя Ваня! В созданиях я не вольна,
но в слове "внезапность" присутствует логика жеста!..
Мне были даны одиночество и тишина...
Но как получилось, что им-то теперь и не место?

...И эта гроза, отшумевшая, как поезда
(ТВОИ поезда... или, лучше: ТВОИ самолеты),
опять унесла - не придумаю даже, куда, -
скупой результат многотрудной душевной работы...

И если ты все-таки смотришь в ночное окно
и видишь звезду - у меня она ровень с антенной -
подумай, пожалуйста, правда ли, что не смешно
всерьез дорожить подневольно разыгранной сценой?

И думай... ну знаешь..., ну, что-нибудь там... обо мне
и как-нибудь так, чтоб я правильно все понимала.
А я отыщу в одиночестве и тишине
сначала помехи, а там - и живые сигналы!..

10.

Тихо и глупо в намокшем саду.
Изредка капля - опомнится - чирнет.

Выйду из сада - и снова зайду
в неочевидной, но стойкой кручине.

Ветки сирени надменно-чисты.
Грустно, сощурясь, молчат одуваны...
Светлая свадьба счастливой четы...
Смех... разговор... тишина... фортепьяно...

Как это цепко осело в душе!
Будто не мчались года чередую...
И пригорюнилось в нежном туше
"Утро туманное... утро седое..."

Плавал в тумане заброшенный сад.
Юные птицы черешни трепали.
И по туману брели наугад
запахи леса, жилья, магистрали.

Вдруг - долетал тепловозный гудок.
Вдруг - доносился свисток электрички.
Сонный сосед не вступил в диалог, -
вдруг - изменив многолетней привычке...

Вот я хожу по песчаной тропе
в мокром саду, по-хозяйски картинном.
Странно, что - как бы песок ни скрипел -
нет ощущения, что это противно;

грустно - и только.
И лучше уйти
к жизни веселой, домашней, медвяной...
Выйду из сада - и нету пути.
Смех... Разговор... Тишина... Фортепьяно.

11.

Ах, не вменяй молчанию вины!
Ни ты, ни я в молчанье не вольны!
Мы навсегда - не более как тени
и пауза средь поисков иных,
каких-то внесловесных изъяснений.
Мы все равно отсветим, отгорим.
Не верится, что мы договорим
нашразговор до счастья. И не надо!
Вот видишь как... не все дороги - в Рим...
и путь молчанья - правильно угадан.

12.

Не понимай, что - зло и что - во зло.
Так лучше - без понятия, без меры.
Люблю твое покойное чело
и мягкий взгляд -
как полдень сквозь портьеры.

Так лучше, проще... так мне веселей
играть в игру по имени "разлука".
Ты изо всех моих учителей
один не напичкал меня наукой.

И грустно мне тебя благодарить,
запутавшись в открытиях и тайнах.
Один лишь ты смог недоговорить
в своих уроках кратких и случайных.

13.

Оставь мне что-нибудь на случай.

И если музыки не жаль -
оставь хоть несколько созвучий
и - что же делать! - уезжай.

И в час душевного смятенья
я неумелою рукой
хотя бы бледные их тени
смогу возвысить над тоской

и вновь узнать, что мир не грозен,
а только сложен и суров...

Они - сродни великой прозе
прекрасных русских мастеров,

где самым горьким, самым грешным -
любому, кто на свете жил, -
всегда оставлена надежда
на обновление души...

Немое кино

Одинокое, вспыхнет окно,
Неуверенно дернется дверь.
И начнется немое кино
Расставаний, разлук и потерь.

Снег на улице спрячет следы.
Отвернет в переулок мотор.
И начнется дорога вражды -
Отречение, ложь и разор.

Отречение, ложь и разор...
Вот чему усмехалась звезда!..
Отречение или костер...
Ну а дальше-то? Дальше куда?..

***

В этот дом не ходи, в этом доме тебя полюбили.
В той реке не топись, в той реке непременно спасут.
В этот сад не ныряй, там недавно деревья рубили...
Так и бродишь по свету. И ноги несут и несут...

То приходишь проститься, но вдруг возвращаешься
тут же.

То возжаждешь вернуться, а там уже нет никого...
Так и бродишь по свету кругами то шире, то уже,
Отмечая, что вечность становится просто канвой.

В этот сад не ходи, там тебя уже трижды убили.
Той реки сторонись, там не знают, что ты не спасен.
В этот дом не стучись, там недавно деревья рубили...
Так и бродишь по свету...

***

Не ваши обстоятельства крепки,
А наши обстоятельства бессильны.
За нами - тыл, а вы - фронтовики,
И Родина глядит на вас умильно.

Но враг молчит. И от его руки
Давно не гибнут в вашем эшелоне.
Но вам - почет. А мы , тыловики,
В безвестности друг друга похороним.

Нас только в шутку именуют «рать».
В растерянности наши командиры.
Нам неоткуда даже удирать,
Чтоб заслужить хоть славу дезертира.

Летописец

1.

И мыслю смиренно и скорбно...
И мыслю мятежно и грозно...
И мыслю надменно и злобно...
Увы мне, бессильному мыслить!..

Бесславные, все тут поляжем.
Нет веры - и всё расторжимо.
Очнись, зачарованный княже,
Спаси - не поганься - дружину!

Мир сущий не есть вероятный.
Он сущий и только, не боле.
Есть разум дороги попятной
И счастье отвергнутой воли.

2.

А летописец пишет нашу жизнь.
Отчаянный безвестный забулдыга,
Он что угодно впишет за бутылку!
И это тоже будет наша жизнь...

***

Я снова узнаю, что боле нельзя ни дышать,
Ни жить по законам глухого надменного царства,
Где можно, конечно, часок поболтать по душам,
Да только душа там объявлена детскою цацкой;

Я снова отважу гадания злых ворожей,
Правдивость которых всегда сообразна расценкам;
Очаг свой потухший попробую снова разжечь,
А если не выйдет - займу огонька под проценты!..

Мечтая о светлом и темные мысли гоня,
Я вспомню дорогу, и, путь сокращая неблизкий,
Мне снова поверит суровый Держатель Огня
И вынесет пламя в большой керамической миске.

...Он в тех же ботинках и в том же худом пальтеце,
И той же цепочкой рукав к рукавичке прикован...
«Спасибо», скажу, но в его отрешенном лице
Ничто не очнется для этой секунды мирского...

Как весело верить колючим речам молодым!
Как жаль превращаться из голоса чистого - в клекот!..
Я вспомню дорогу! И тихий невидимый дым
Щекотной горчинкой осядет в натруженном легком.

***

Я думаю, я помню, я прочту
Опять и вновь медлительны строки.
Я их люблю. Но даже на свету
Они отрешены и одиноки.

К кому взывал безвестный человек,
Затерянная звездочка Вселенной?
Где обретал он пищу и ночлег,
Изгнанник? Узник? Путник вдохновенный?..

Люблю его. Он мне дороже тех,
Кого любить обыденней и проще.
Люблю явление ночи, дальний смех
И на стекле дыхание и росчерк...

***

Уходит облако за дом.
И, у трубы слегка помедлив,
Оно сливается с дымком,
Косматым братиком кометы...

Так и живем. И я в окне
Безмолвно радуюсь виденью...
Как много счастья извне
Касалось нас хотя бы тенью!..

***

Я живу на знаменитой даче
И никак привыкнуть не могу,
Что отсюда выглядят иначе
Травы и ромашки на лугу.

Деревушка в центре мироздания -
От Москвы минутах в сорока.
В церковь пробираются задами
Семь старух, четыре старика.

А повсюду рослые заборы
И шоссе, петлявые, как тест.
А кругом торчат, как пикадоры,
Злющие «кирпич», «тупик», «объезд».

Не могу привыкнуть, что ночами
В дом влетает суматошный свет,
И шуршат начальственные «чайки»,
Здесьшний государственный секрет.

То глаза на лоб, то лохмы дыбом -
Так живу. И кажется - давно...
Говорят, воздастся за труды нам...
Вот не знаю... что-то мудрено.

***

Уйти в задумчивости кроткой...
Ступить рассеянно на лед...
И вдруг услышать мерный рокот -
И удивиться: самолет!

Как будто даль иного века
Взяла меня в свои лета,
Чтоб я пугалась человека,
Который - вот еще - летал!

...Прощай, техническая эра!
И ты, летучий аппарат!
Я не узнаю Монгольфьера
И уж тем паче - братьев Райт.

Прощай, российское горнило,
Не мне делить с тобой судьбу!
В дремотном царстве Михаила
Облюбовала я избу.

Чтоб никаким особым смыслом
Не наполнялся шаг на лед,
Я буду - баба с коромыслом,
Что носит ведра взад-вперед.

Да и вообще - не в смыслах дело.
Вот храм - чтоб смыслы упростить.
А я давно уж овладела
Наукой лоб перекрестить...

Хочу туда! Пусть нет пекарен,
И скуден плодородный пласт,
И промотавшийся боярин
Меня на ярмонке продаст -

Хочу туда! Где смысл - во благе,
Где всем известно, что в полет
Пуститься может только ангел
И только он не упадет.

***

Удача не сопутствовала нам,
Но где-то близко шла по временам.
По временам, эпохам, по судьбе.
Мы были современники удачи.
И след ее, еще почти горячий,
Охладевал, коробился, слабел
И прямо на глазах (считалось - зрячих)
Вдруг исчезал, не подпустив к себе.

Но нам не раз, лаврушками обвит,
Встречался Неизменный Фаворит.
И отдохнув в его густой тени
И листиков надергав безвозмездно,
Мы толковали много и полезно
Не об удаче, боже сохрани! -
Но о каких-то принципах железных
И, кажется, о качестве брони...

Безвестному

Дорога. Родина. Зима.
Виват, пропавший задарма
Неосторожный пёхарь!
Ты здесь почил, вдали от всех
Миров, мирян, мирских утех,
Обласканных эпохой.

Чиста равнина и пуста.
Нет ни могилки, ни креста.
И нет глазам зацепки.
Но всё - округа, даль и высь -
Велит мне здесь: «Остановись!
Поплачь о малой щепке!..»

Ну что ж... Коль черт сюда занес -
Стою. Но, нет, не будет слез,
Не тем душа объята.
И с чем-то в лад, или не в лад,
Всё повторяю я: «Виват!» -
И всё смотрю куда-то...

А между тем, как дверь с петель,
Мелькнув, срывается метель,
Обрушив сумрак серый...
Виват, старушка! Не плошай!..
Свобода. Родина. Душа.
Достаточно для веры!

***

Чего вы ждете, запретитель драк?
Что драчуны к вам явятся с повинной?
Ах да, ведь не такой уж вы дурак.
Да и с душой, по слухам, голубиной.

А между тем они обречены
Вам портить кровь и тратить ваши нервы.
Они, увы, на то и драчуны,
У них тылы и мощные резервы.

А вы один, как придорожный знак,
Из зернышка проросшее шипенье.
Да кто вы им? Вы даже им не враг,
А так себе, какой-то отщепенец!..

***

Приходит товарищ. Далекий, незванный.
Из жизни чужой, бесконечной, пространной.
Слова выдыхает, как будто контужен.
Вчера бы - не знаю, а нынче не нужен.

Вчера бы - не знаю, не знаю, не знаю!
Я часто вчерашнюю жизнь вспоминаю.
Я часто хожу по вчерашним дорогам,
Смущаясь не норовом их, а итогом.

О, добрая дура - надежда святая! -
В какую угодно, но втиснуться в стаю,
А там уж неважно - порода... погода...
Кто слева, кто справа... ровесник... погодок...

Ко мне прижимались. И я прижималась.
Ко мне приживались. И я приживалась.
Все вместе, все рядом, ни уз, ни поклажи,
И кто-то накормит, и кто-то на страже...

Как будто какой-то докучливый лабух
Играет на струнках души моей слабой:
«Все вместе! Все рядом! До смертного часа!..»
«Отыди, юродивый! Ишь, разбренчался!»

...Уходит товарищ. Мы мало знакомы,
Но нас воспитали по общим законам...
О, как ты живуча, надежда пустая -
В какую угодно, но втиснуться в стаю!..

***

Молчи, Шакал! Нишкни, Табаки!
Не напрягай себя пока что!
Созрела стая лишь для драки,
А для войны еще не каждый.
Твоя пожива велика ли? -
Прикинь, шакал, по обстановке...
Ты обтесался меж волками,
ты стал почти по-волчьи ловким...

Но волки - крепкие ребята,
Пока Вожак у них не промах,
Пока в сердцах волков припрятан
Азарт погони и погрома.
Ты жди, Шакал, уже недолго...
И даже очень, очень скоро:
Уже растлила душу волка
Идея травли и раск

Атаман

Наше время прошло - что словами играть?
Проходи, атаман, не тревожь свою рать.
Не тревожь, говорю. Тяжелы на подъем.
Надо к смерти готовиться, тем и живем.

Не прельщай, атаман, красной смертью в бою.
Я пред смерть такую теперь устою.
Двадцать лет на покое жила твоя рать -
Вот и незачем стало в бою умирать.

А оружие... что ж, мы его не едим.
Прежде холили, ныне - бери, отдадим.
Только вряд ли сгодится тебе этот хлам:
По сараям валялось да по чердакам.

Ты на горло меня, атаман, не бери!
Не ори, говорю, атаман, не ори!
Нам чужого не надо - сберечь бы свое!
Забирай, говорю, и ружье и копьё!

...Что ты прошлое мучишь, зовешь мертвецов?
На каких это ты мне киваешь отцов?
О каких это детях ты печься велишь?
Ты шалишь, атаман, ты опасно шалишь!..

Наше время прошло. Что словами играть?
Проходи, атаман. Не подыметя рать...

Волк и ягненок

...И в темный лес ягненка поволок...

Он в темный лес волок ягненка,
Чужого, чуждого ребенка.
Он знал не меньше сотни мест,
Где, волчий дух переведа,
Он успокоится и съест
Чужое, чуждое дитя.

Он представлял не очень четко,
Что означает «Я умру»,
Но был не то что увлеченным,
А как бы втянутым в игру.

Его, случалось, тоже били,
Травили псами, гнали в сеть;
Он драпал от автомобиля
С достойной целью - уцелеть.

Он знал - по опыту, и что-то
Еще подсказывало вдруг,
Что настоящая охота
Весьма похожа на игру.

Гоньба, погоня или гонка
Его учили выбирать
Из двух возможностей - ребенка,
Чтоб не тягаться, а играть..

Ну что ж, своей жалея шкуры
Мы все влачим посильный крест
И в добродушные амуры
Играем с тем, кто... lupus est.

Юродивый

От вечности не отгорожен,
Но все-таки в вечность не вхож,
Он корчил ужасные рожи,
Бросавшие встречного в дрожь.

Ходил он то голым, то босым,
А грязным - всегда и везде.
И всюду копался в отбросах,
Но слыл привередой в еде.

И, нет, не печатью юродства
Он сеял то ужас, то страх...
Бывало, в наш двор прокрадется -
И роется в смрадных бачках.

А мы, побросавшие игры
И прочие наши «ля-ля»,
За ним, как за бешеным тигром,
Сторожко следим издаля.

Кого, как не нас, находила
Проворность его кулака,
Затрещины злобная сила,
И злобная ярость тычка!?.

...Я знаю, как зреют для бунта!
И если урон нанесен...
Не верили мы ни секунды,
Что это - безумец, и всё.

Над нашей братвой некрещеной
Не властвовал комплекс вины.
Уж слишком бывал он расчетлив!..
Уж слишком глаза холодны!..

...Бог миловал. Мы не успели.
И совесть как будто чиста...
Он умер во время метели.
Сказали - упал и не встал.

Коллегам

1.

Эти станции: «Мир» и другая, постарше, «Салют» -
Эти перлы трудов совокупных эпохи застоя
Неизменно пугают и чем-то не тем предстают
В свете жутких прогнозов (в связи с респектабельной
СОИ)...

Испарился бесследно душивший когда-то восторг.
Накопитель надежд незаметно остался в прогаре.
Будто на кон поставили - и проиграли «Восток»...
Ну, а вместе с «Востоком» проигран и Юрий
Гагарин...

Да за что же нас так??! До рубашки... почти донага...
Или это не мы наши песни веселые пели?..
Возмужал Муравей, у него пистолет и наган.
Он убьет Стрекозу, он задушит ее в колыбели!..

Как легко отрицать! Как легко соглашаться на всё!
Как легко побеждать, не заботясь о завтрашнем
хлебе!..

Отомрет старожил, и повсюду пройдет новосел,
Засевая страну миллионами глупеньких бэби.

Вот что выпало нам, вот на чем мы свернули мозги.
Забываясь в котельные, вот от чего убегали...
(Лель, конечно, дурак. Ну, а кто же практичный
Мизгирь?
ведь девчонку-Снегурку - и тот и другой -
проморгали)...

Покаяние?.. Ха!..

И кого-нибудь в космос пошлют.

А кого-то пошлют, я не знаю куда, но подальше...

Эти станции: «Мир» и сгоревший, наверно, «Салют» -
Как портрет генерала в покоях вдовы-генеральши.

2.

Ни порох придумать не в силах,
Ни, что ли, машину для дойки...
Мы сгинем в безвестных могилах
Счастливых времен перестройки.

Ни ветры над нами не взвоют,
Ни древо не скрипнет ветвями.
Друзья-кочегары по-свойски
Забудут нас в угольной яме.

А ты говоришь о потомках,
А ты говоришь - разберутся...
А я говорю - в кривотолках
Сгорает азарт революций!

Так что ж упражняться в глаголах,
Обвисших, как стертые плети?
Чтоб вычислил нас археолог?..
С погрешностью в пару столетий.

1987-й год

Отмахиваюсь: ну вас! это глупо! -
Но неотвязно просятся в стихи
И ходят за стихами неотступно
Какие-то ничтожные штрихи.

Замучили. И не дают поблажки.
Не смирялся стих и отторгал
Подштопанные Ленина рубашки,
Свердловский вековуху-пальтукан.

Смущало расслоение - сначала,
Потом - подвижка коренных основ;
И я - с трудом, - но все же различала
Привычный взгляд и тот, который нов.

Дурацкие штрихи!.. Но каждый - броский,
Но каждый - прочно в памяти осел.
Вот - мощно напружинившийся Троцкий -
Ну надо же! - в буденовке... как все...

Как будто домик строишь на развалинах -
Там балку подберешь, там - проводки...
Как странен Сталин в жестких светлых валенках,
Которые так явно велики!..

Не знаю, отчего меня заклинило,
И чудится - заклинило навек...
А сколько шапок было у Калинина?
У Кирова? Одна? А, может, две?

...Из нашей респектабельности бросовой,
Из нашей суетливой похвальбы
Я тычусь исступленными вопросами
В могилы и протлевшие гробы.

Давно от нас ушедшие кометы
Еще вернуться. Может быть, близки.
Пока ж надежда лишь на документы
И прочие земные пустяки...

Но я боюсь стоящих под знаменами,
Что прежних шелковистей и алей,
Партийцев, завладевших миллионами,
Не, не умов, а банковских рублей.

Еще боюсь - до белого каления
Дошедшего историка-истца.
Еще боюсь, что жутко слушать Ленину
Столь многие разбитые сердца...

Друзьям

Оставьте заботы благие
(не то поменяю эпитет!)...
Сжигает меня ностальгия...
Оставьте меня, отступитесь!..

Откуда вам знать, что - спроси я
У первого встречного имя -
Ответит чуть слышно: «Россия...» -
И образ отчаянья примет...

Простите мне злые замашки.
И всё же - оставьте в покое.
Мне тягостно ныне в компашке.
Я пользуюсь правом изгоя.

...И стану я плакать среди ночи.
И встану глазами к былому.
И явится Божий сыночек.
И тихо пойдет по разлому

Двух твердей - земной и небесной.
«Как звать?..» Он ответит: «Мессия...»
И я, нависая над бездной,
Из бездны услышу: «Россия...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

АРАНЖИРОВКА СМЫСЛА

Легко удивить чем-то новым, но в последнее время стали интересны открытия в том, что было.

Главным открытием и наивного, и «проницательного читателя» после прочтения «Окрестностей дома» Ларисы Махоткиной может стать ощущение: оказывается, о том, чем мы сейчас живём, было известно тридцать лет назад!

Героиня стихов Ларисы Махоткиной (в конце 70-х, в начале 80-х) тогда не была наивна. Она просто думала, что есть «варианты существования». Так иногда все мы, нет, не просчитываем, но проигрываем эти варианты. Она же их как бы инсценировала, как в театре «предлагаемые обстоятельства». Это была молодая игра, ещё далеко было до цитатного постмодернизма. Но искусство всегда давало дополнительное ощущение чего-то дважды прожитого. Тогда Лариса это формулировала так:

Так и живём! Кто скажет, что неважно?
Как будто жизнью, прожитую дважды,
Я дорожу нам выпавшей судьбой...

Теперь это явное удвоение не кажется странным, а тогда литературные обстоятельства складывались так... Вернее, они не складывались, а определялись людьми предыдущего поколения.

Работая тогда на ленинградском радио, нельзя было заразиться их разговорами, их интеллигентностью, - в этом была демократическая филологичность поведения, если можно так сказать, когда свой строй души прикладывался к чужому и получалась (иногда) прекрасная общ-

ность. Или что-то третье. Настрой души не менял строй жизни общества, но, - если «взяться за руки», - сулил перемены.

Стихи этого периода есть в первой части книги. По счастью, они любовные с вкраплениями общих тем. Стихи эти могли соперничать с прозой (и были отчасти прозой) в пересказе событий, но не в устройстве пересказа. Она ещё выбирала жанр: это мог быть сказ или диалог.

Но наступил следующий период, когда общие темы, как общие места, оказались пустырями или слишком исхоженными улицами. Эта общность обещала радость общения, но обернулась даже не эстрадностью, а тем прямоговорением, которое к искусству перестало относиться.

Если бы молодая Лариса не обрела тогда свою узнаваемую интонацию, превышающую общий уровень, заточенность на искренность, то она так и осталась бы в том времени.

Но за явным слоем стихов того времени оказался ещё и ещё один.

Думаю, именно этот феномен интересен нынешнему читателю, и этим объясняется успех стихов Ларисы Махоткиной в Интернете: интересен сам поэт, сохранивший тайну происхождения этой способности - говорить на общую тему, но оставаться собой, - отличие не только от других, говорящих друг с другом, но и отличие поэта от самого себя.

Вышеназванная многослойность происхождения этих стихов продемонстрирована в «Окрестностях дома» ретроспективно, по мере возникновения. Но кажется, стихи имеют свой сюжет, свою биографию, помимо биографичности времени. Они могли бы выстроиться и перемешаться по-другому.

Сама Лариса композицией сильно не озадачивается. Да и вообще судьбой стихов.

И вот это уже вопрос к критикам нашим: заметят или сочтут периферией?

Сама Лариса, кажется, об этом не думает. У неё, помимо стихов, целый корпус хорошей, крепкой прозы. Есть чем жить, помимо неожиданного успеха на конкурсе. Тем более, что сегодня футбол по ТВ.

Героиня этих стихов выдаёт за сюжет то, что является для неё поводом к монологу (кстати, это может быть и футбол), поводом к публичному обнаружению смысла происходящего. Он часто манифестный, как бывало у «шестидесятников», каждый период жизни имел свой лозунг. Отличие Ларисы Махоткиной в том, что её лозунг более человечен, женственен, что ли... Она предлагает диалог не всякому, но ищет своего «второго» - всегда безуспешно, или он просто оказывается «другим». Но это безуспешность не драмы, а поэзии: «Поэзия - это чувство утраты» (Не Фейербах ли первым сказал?). а не приобретения, не выяснения отношений. Лирика - род искусства говорящего «здесь и сейчас» и через себя только. У Ларисы Махоткиной это иногда театрально ярко по названной причине отказа в полноте ощущения. И тогда бунт:

Никому! Никогда! Ничего. Ни о ком.
И никто - никогда - ничего.

Скоро на расправу из-за цельности не характера только, но ожиданий в силу сокровенного знания каждого о каждом. А когда это не сбывается:

Так загадочно охал и ойкал...
Бормотал... порывался обнять...
У меня по душевности двойка,
Никогда мне тебя не понять.

Современник ты мой, современник!
Как-то суетен ты, не упруг!
Вызов обществу - ветка сирени...
Да и та выпадает из рук.

(«Сирень»)

Впрочем, чужое это поведение скорее вызывает у неё сочувствие, чем провоцирует на отповедь.

Неуживчивость героини - бытового, не бытийного характера, но вызов в стихах не заёмный.

Несомненное сходство отсылает, может быть, к демократичному Некрасову более, чем к близкому и любимому ей тогда Евтушенко.

А вот талант частной, индивидуальной жизни у героини Ларисы Махоткиной куда более развит, чем у названных поэтов.

Самой сказать за мужчину, как некий Сирано, то, чего в начале разговора собеседник и не предполагал услышать. При этом любуясь происходящим боковым зрением:

Не вдумываясь, можно ли, нельзя ли,
Оставаться нежными друзьями,
Любуясь и друг другом, и собой!..

А почему собственно? И тут разговор опять не о характере, не о времени даже, а о типе мирозерцания, о типе художника.

Для этого автора любование возможно не потому, что мир действительный разумен, а, скорее, наоборот:

Мир сущий не есть вероятный.

То есть существует ещё другой мир, но говорить надо об этом.

Кажется, со второй части книги этот мир проявляется как метафизический, но прикрывается историей и даже политикой до конца книги. В этом интрига этой книги, и неожиданная актуальность. Это очень ленинградско-петербургские, городские стихи. Но со второй части возникает нечто «над мыслями». Оказывается, это природа. Это тоже открытие горожанина:

Иду, не отрывая от земли
ни башмаков, ни помыслов, ни взгляда.
Две колеи... Ах да, вчера везли
здесь два сельскохозяйственных снаряда...

(«Прогулки среди окрестных деревень...»)

Главное всё-таки происходит в восстановлении всей картины мира. И тут часто поэзия говорит детским языком о взрослом мире идей, понятий, поступков. Сама Лариса называет это «детальками» и «пустяковинами». Но именно там возникает её интонация.

Лариса Махоткина в первую очередь в мелочах ищет первопричины, но получается это всё-таки там, где есть герой, поступок или не поступок.

Я имею в виду такие сильные стихотворения, которые могли бы стоять отдельно, вне циклов, - «Юродивый» и «Атаман» (да и весь цикл «Немое кино»), которые, по-моему, должны остаться в современной русской поэзии.

То же, впрочем, можно отнести к ряду «не героических» стихотворений. Всякий может более или менее описать событие, но простить несовершенство происходящего дано не каждому. Только принявшему боль на себя.

Мне страшно сердца моего.
Сомнение в нём и мука.
И круг очерчен огневой.
И не слышать ни звука.

«Аранжировка дождя» - назван один из циклов, - вот именно аранжировка какой-то хорошо известной мелодии, «общего места», наведения фокуса на смысл - главное в итоге впечатление от всей книги. И особенный художнический темперамент, заставляющий говорить «против шерсти мира».

Это во многом объясняет и уход от литературной тусовки, и поэтику тайного диалога с миром, и личную археологию открытий уже известного в нём, - «в шальной неповторимости момента». Иногда это «немое кино», а иногда «не моё», но само направление, вектор полёта становится твоим:

Хочу туда! Где смысл во благе,
Где всем известно, что в полёт
Пуститься может только ангел.
И только он не упадёт.

*Борис Григорин,
член Союза писателей Санкт-Петербурга.
Март 2013.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лариса Махоткина
ОКРЕСТНОСТИ ДОМА
стихи

АПЕЛЬСИНЫ

"Зеленое, болезненно цвета..."	7
Апельсины	8
"Я обживаю новые пространства..."	10
Окрестности дома	11
"Я приду в предстоящем году..."	13
"Голуби, такие надоеды..."	14
Стихотворение под эпиграфом	15
Кировский мост	17
Ландыши	19
Весна	20
"В предчувствии точном и гулком..."	21
В Москву... В Москву...	22
Вид из окна	23
В альбом С.	27
Чайки	29
"Куда зовешь?..."	30
Случай с гардемаринном	31
"Граммофон играл о небывалом..."	33

АРАНЖИРОВКА ДОЖДЯ

"Над мыслями моими..."	37
"И солнца и зелени вволю..."	38
"Ромашек дурашливый веер..."	39
Вид с охты	40
"Когда спрошу..."	47
"Ни ясности в мыслях..."	48
"У нас давно погашен свет..."	49
"Дым летает..."	50
Silentium!	51
"Я выходила. Он входил..."	52
Глава из поэмы "Старик"	53

Плач над комарами.....	57
Свиданка.....	59
Что такое звонок.....	60
Набережная реки Смоленки.....	62
Дорога.....	64
"Я не вижу домов...".....	65
"Земля остывала...".....	66
"На улице сыро и сиро...".....	67
Ветер.....	68
Снег.....	69
"Трепет жизни такой неустанный...".....	70
Аранжировка дождя.....	71

НЕМОЕ КИНО

Я знать хочу.....	79
Немое кино.....	91
"В этот дом не ходи...".....	92
"Не ваши обстоятельства крепки...".....	93
Летописец.....	94
"Я снова узнаю, что боле нельзя ни дышать...".....	95
"Я думаю, я помню, я прочту...".....	96
"Уходит облако за дом...".....	97
"Я живу на знаменитой даче...".....	98
"Уйти в задумчивости кроткой...".....	99
"Удача не сопутствовала нам...".....	101
Безвестному.....	102
"Чего вы ждете, запретитель драк?...".....	103
"Приходит товарищ. Далекый, незванный...".....	104
"Молчи, шакал! Нишкни, Табаки!...".....	105
Атаман.....	106
Волк и ягненок.....	107
Юродивый.....	108
Коллегам.....	110
1987 год.....	112
Друзьям.....	114

Борис Григорин. «Аранжировка смысла».	
О стихах Ларисы Махоткиной.....	117

К изданию в литературной серии
«КНИЖНАЯ ПОЛКА ПЕТИТА»
предложены сборники стихотворений поэтов:

Сергея Пичугина
Евгении Ошурковой
Михаила Юдовского

Исключительным правом на издание собственных сборников в литературной серии «Книжная полка Петита» обладают все лауреаты литературных конкурсов, проводимых на портале Stihi.lv (Клуб лауреатов сайта), а также члены Жюри наших конкурсов.

По всем вопросам издания в литературной серии просим писать на майл: stihi.lv@inbox.lv

